

* * *

Не спеши, не торопи мысль.
Не разгадана моя жизнь.
Хоть сюжет ее вполне прост –
Я всегда на стороне слез.

Знать, такой уж у меня нрав –
Не за тех я, кто и впрямь прав.
Даже если мне на спор – трон,
Я за тех, чей аргумент – стон.

Суд любой мне слишком зол, строг.
Даже если судия – Бог.
Не за сильных я, чья жизнь – бой.
А за сирых, кому жизнь – боль.

* * *

Снова осень. Снова осень. Холода.
И не выйти по дороге за село.
Воют, стонут за окошком провода,
Небо низкое дождем заволкло.

Бьется ветер в запотелое окно.
И нигде ни огонька в глухой ночи.
Не ходи туда, родимый, там темно.
Лучше сядем, посидим, да помолчим.

Ты не думай – я тебя не погублю.
Не приважу твое сердце колдовством
Ты не бойся – я тебя не полюблю.
Посижу, да напою тебя чайком.

Ты же видишь – голова моя бела.
И забыла я как плачут от любви.
Просто холодно, и хочется тепла.
И устали руки сильные мои.

Я тебе ни полсловечка не скажу.

Даже взглядом я к тебе не прикоснусь.
Не спеша огонь в печи поворошу.
Отпечалюсь, отогреюсь. Отдышусь.

А когда ты хлопнешь дверью и уйдешь,
Я не вздрогну и не выйду провожать.
Буду слушать как в окно стучится дождь.
Да стихи неторопливые писать.

* * *

Гляжу сквозь даль. Гляжу сквозь боль. Сквозь годы, годы.
В степи вольно. В степи темно. Темно и ветер.
И низко-низко по-над степью неба своды.
И в низких хатах ни одно окно не светит.

Неужто тоже там живут. Неужто люди.
Неужто тоже там не спят, в ночи вздыхают.
И серый пасмурный декабрь все крутит, студит.
И захмелевшим казаком в степи гуляет.

Ломает голые кусты и гнет деревья.
И так засвищет под окном – мороз по коже.
Молись, крещеная душа, коль Бог поверит.
Молись бессмертная душа, коль Бог поможет.

Возьми, возьми меня, декабрь, себе подручной.
Кусты ломать, людей пугать, гулять привольно.
Не то чтоб грустно мне, декабрь, не то, чтоб скучно.
А просто страшно мне, декабрь, а просто больно.

А просто знаю я, декабрь, что мне не будет
Полынной воли во степи, где снег и ветер.
А только этот ошалевший от безлюдья
Холодный мир, где ни одно окно не светит.

* * *

И опять мне никто на вопрос не ответит.
Равнодушно сомкнется земля надо мною.
Никого. Только серый простуженный ветер.
Только низкое небо над вечным покоем.

А пробел между строк я на точки исправлю.
И читайте меня хоть с конца, хоть с начала.
Ничего не возьму. Ничего не оставлю.
Ничего не хочу. Я устала.

А в часовенке ветхой темно и безмолвно.
Лишь в углах пауки заплетают тенета.
Только бьются о камни тяжелые волны.
Да мерцает облезлых икон позолота.

И меня никогда уже больше не будет.
Даже если стократ этот мир повторится.
Помолитесь по мне, богомольные люди.
Если есть еще где на Руси помолиться.

* * *

Стало рано светать. Может, впрямь еще все образуется.
Ах, как хочется жить. Даже в этом морозном дыму.
Я, наверно, не птица. Я просто хохлатая курица.
Мне б тепло, и покой, да еще бы иконы в дому.

Но судьбою моей правит чье-то больное проклятие.
Мне судьба – не судьба, а судьбы триединая месть.
Тридцать лет я живу, как Христос накануне распятия –
То спасенья ищу. То сама подымаюсь на крест.

Видно, впрямь обо мне ни единое сердце не молится.
Ни один огонек в ожиданьи меня не горит.
Мои черные сны пропитались тягучей бессоницей.
Мне б молиться самой. Да забыла начала молитв.

Тихо- тихо теперь в моем доме и пахнет усталостью.
Да какой-то еще раздражающе-терпкой травой.
Мне не надо небес. Я теперь удовольствуюсь малостью
– Две руки, две любви над седою моей головой.